

Глава первая Лакримоза века будущего

... из монолога Жизни

Скажу точно, внутри себя Вы задавались вопросами истины этого мира. Большинство ответов углубляются в религии мира, пронзают законы вселенной и строятся на личных предположениях внутри каждого из Вас. Но люди так поглощены поисками смысла собственной жизни в устоявшемся обществе и попытками заполучить выгодные позиции, что все дальше удаляясь от истины и запутываясь в настоящем, бестолково исчерпывают свое время и силы. А впрочем, меня всегда удивляло человечество. В особенности как они проживают абсолютно разные жизни внутри одной семьи, предпочитают неприкасаемый бардак из забытых вещей столетней давности не только в своем ящике стола, но и в будущем. Несмотря на все стремление и приложенное усердие, им не хватает одной жизни, чтобы обзудать все любопытство и прожить согласно составленным пунктам в личном блокноте.

Вам когда-нибудь приходилось задумываться, а что если бы не выпал этот шанс познать саму жизнь? Что значит никогда не услышать пение птиц и тишину деревьев, не попасть под теплый летний дождь с грозой, не почувствовать хруст снега под ногами и колкий мороз, не ощутить вкус первого поцелуя и стук своего сердца? Неужели не страшно осознавать ту пустоту, бесчувственность и бесконечный сон людей, так и не познавших маленьких земных удовольствий?

По причине моего возраста я смутно помню свое появление в этой вселенной. По сравнению с людьми на меня возложено предназначение, которое ярко выжжено на старой мантии и постоянно напоминает о произнесенной клятве. Что ж мое призвание заключается в поддержании равновесия созданного мира и в соблюдении земных законов. Не могу сказать, что эта работа скучна и однообразна, но порой я чувствую себя одиноко.

Смею Вас заверить, помимо меня на вечный круг земной работы была обречена и моя сестра. Мы редко встречаемся в столь безграничном мире, а наши встречи вовсе не душевны. Сестра не разговорчива, всегда сконцентрирована на выполнении своего долга. Ее лицо полностью истерзано шрамами, руки исчерчены заклетами, а опустошенный взгляд так тяжелит наши свидания. Я ни в коем случае не держу на нее обиды за ее оскорбленное молчание. Ведь каждый день у кого-то кончается время пребывания на земле, а у кого-то все только начинается. И вот уже на протяжении стольких тысячелетий ежесекундно моя сестра безмилостно забирает с собой одного из Вас. Ее взгляд - это последнее что Вы увидите в своем завершении жизни. И если я зарожаю жизнь, то она ее забирает. Кажется, этот бесконечный круг, сменяющий нетерпимую боль утраты близкого на новую надежду, никогда не разомкнется. Уверенность в завтрашнем дне не пропадет, солнце не погаснет и жизнь не остановится.

На протяжении долгих веков мы подсматриваем за жизнью каждого подопечного и его воистину грандиозными событиями. К большому сожалению, часто наблюдаем падение великих поколений и непростительные свершения, после которых нам с сестрой приходится основательно потрудиться. Мне не разрешено привязываться к людям и все-таки, я нахожу тех, чья жизнь не проходит зря. В особенности мне интересно наблюдать за мечтателями с ярко светящимися сердцами внутри. Не думайте, что они проживают лучшую жизнь из-за моего особого внимания в отличие от других. Нет, именно такие люди дают мне надежду на то, что все может еще измениться в этом странном мире. Но как тяжело видеть их последние минуты, чувствовать прощальный взгляд с миром. Тогда-то мы и встречаемся с моей сестрой. На нее не действуют отчаянные просьбы, в этом я много раз убеждалась на своем опыте. Единственное о чем могу попросить ее - это дать еще одну возможность пожить душе, но уже в другой достойной жизни. Сестра ничего не отвечает, но и не осуждает. Качнув головой, она каждый раз забирает с собой не только душу, но и часть меня.

Вот так мы и проживаем эти бесконечно долгие года под тенью Создателя. Не хочу показаться через чур болтливой, ведь у такой нудной старухи как я бывает не так много слушателей. Очень надеюсь, что Вас не утомила столь долгим вступлением. Все же если не торопитесь, позвольте мне рассказать одну историю из сравнительно молодого прошлого – одну из моих любимых. Если Вы посчитаете мою историю скучной, то Ваше право не слушать ее дальше и не мучить себя. Правда, не стоит тратить время.

Как и у любого рассказа есть своя предыстория. Она бывает окрашена грустным началом, но иногда встречаются довольно милые истории. Это дальше события развиваются своим ходом, то окунаются в слезы радости, то горя. И это все ради опыта, настоящих эмоций, легкого экстрима. Моя предыстория настолько тяжела для меня, что до сих пор откликается рассекающей болью. Думаю, Вы ее должны знать. Итак, из века в век жизнь человека-будущего заметно отличалась от жизни человека-прошлого. Но когда-то давно человек оступися и круто повернул не только свою жизнь. Он скривил ход событий, пустил вторую линию судьбы, перечеркнул заведомо начерченное предназначение - вот так неосознанно уже существующему миру была прописана другая жизнь, наиболее близко знакомая Вам. Не спорю, она стала намного интересней, вкусней и разнообразней. Только многим ради такой жизни пришлось отказаться от самого себя. Власть, богатство и ложь – апогей всему.

«Необходимо вовремя успеть остановиться, обдумать и принять достойное решение для всех» - скорее всего именно так написал бы врач в очередном рецепте на выздоровление общества и оказался прав. С такой постоянной спешкой земной жизни стремительно быстро наступили иные времена: вовсе стерлись качества настоящего человека, культура идеализировала другие нравы и морали, так необходимые главам государств для их успешной манипуляции и беспрекословного руководства. Что не день напоминал на улицах большой бал-маскарад с традиционными фальшивыми масками людей, под которыми таились неразвитые эмбрионы – взрослые дети, тех самых некогда великих поколений. Крупные мегаполисы стали для них эталоном успешной жизни, вкус которой стремился попробовать каждый житель планеты. Городские агломерации тесно сплетались друг с другом на протяжении десятилетий, бетонные стены возводились на оставшихся уголках еще живой природы. Так медленно, но верно, человечество вступило в конфликт, лишив себя права на полноценное здоровое будущее.

Ежедневно разрушая и истощая важные источники жизни, человек возвел безграничную преграду между собой и природой. Навсегда исчезли больше половины лесов и природных заповедников во всем мире, а вместе с ними обитатели фауны. Виной тому послужили поиски земных ресурсов, которые обеспечивали бесспорное лидерство и временное превосходство среди других стран и государств. Бездумное, хищническое потребление привело к масштабному бедствию, природной катастрофе и невозполнимым жертвам.

Да, этот роковой день, точно прячущийся ребенок, не выдавал себя до последнего момента. Большинство людей в прежней дорожной суматохе возвращались домой по окончании рабочего дня. Кого-то уже ждал горячий ужин, заменяющий пропущенный обед и неполноценный завтрак, кому-то повезло куда меньше. Другие наоборот только собирались встречать рассвет, досматривая отрывками свой утренний сон. Возможно Вы так же, как и они, подготовили список неотложных дел на ближайшее время. Разница лишь в том, что в будущем их спискам не суждено было сбыться. Равновесие нарушено, запланированное будущее искажено: человечеству «шах и мат».

Я помню, как вечернее небо погрязло в багровом тумане, цепляющемся за макушки высоток. Птицы замолкли, забились в кроны городских деревьев и чердаков. Шум городов не стихал, и даже не пытался прислушаться к устрашающему знаку неприятеля. Никто не мог представить на какую мощь способна Земля, за несколько минут расколовшая горные хребты, словно грецкий орех, насильно утащившая под воду сотни тысяч городов, зверски растоптавшая и без оглядки уничтожившая часть себя, человека и то, что создавалось им все эти века.

Природный бунт окончился также внезапно, как и начался. Земля словно остановилась и оглянулась на свое изуверское творчество, результат которого, скорее всего, понравился ей. Я бродила среди разрушенных городов. Вокруг меня повсюду лежали остатки еще недавно высившихся небоскребов, больше не царапающих небо. Бесформенные груды покореженного мусора навсегда схоронили под собой жителей городов. Сухой ветер равнодушно поднимал тихие стоны людей и смешивал их с серой пылью. Холодный пепел застилал собой ушедшую жизнь и безответные глаза, стремящиеся ввысь. Соленая вода выталкивала недоеденные объедки цивилизации, насладившись их терпким вкусом. Одно лишь небо переливалось сотней оттенков звезд на фиолетово-черной материи, и оно было воистину великолепным. Несмотря на то, что все закончилось, в ногах я продолжала ощущать дрожь. Смерть, моя сестрица, - ее запах

был повсюду, такой узнаваемый, но отчего угнетающий и скверный, будто присутствие грязных слуг самого Дьявола.

Мне не раз приходилось слышать о том какая я бесчувственная. Да, такие как мы не способны воспринимать происходящее как человек, ведь не созданы для жизни. Вместо этого у меня хорошо получается видеть душу и особенно чувствовать человека. Поверьте, в тот день мне было также больно, как и людям. Внутри все рушилось, даже не знаю, как продолжала стоять на ногах. Мне было действительно невыносимо тяжело дышать, а хуже всего видеть и быть бесполезной. Все что оставалось – смотреть, как сестра холодно и бесчувственно забирает человека одного за другим. Действительно, теперь каков смысл им жить дальше?

Я блуждала, при этом бессмысленно молила живых не сдаваться – ведь это успокаивало и меня. Я гладила их волосы, ныряла к ним в душу, пыталась унять не щадящую боль. А они лишь ускользали, да так не обременено тихо, думая, что в полном одиночестве. От каждой человеческой потери на небе вспыхивала новая звезда с насыщенным цветом увядшей розы, морского песка, девичьего румянца и многих других. Теперь тяжелые тела стали пушинками на плечах Бога. Внутри иссяк былой свет, расплылись ослепительные краски – они больше не живы, они все вновь спят. Несправедливо, верно?

Скажите, разве дети повинны в ошибках взрослых? Нет, но они лежали передо мной холодные и истерзанные! Может ли человек, и даже я, оставаться прежним после чудовищного события такого масштаба? Мой ответ неизменен: нет. Тогда для чего люди жили? Зачем они сами к этому привели?

Теперь человек поплатился и оказался раздавленным, сломанным и униженным существом, клочками разбросанный на расколоте мире. Многие потеряли смысл в будущем: спотыкаясь, собирая и цепляясь за осколки прошлой мечты, раз за разом пытались собрать ее снова. Оставаясь с кровавыми шрамами на руках, разорванным сердцем и со сквозной дыркой в виске, захлебывались в собственном горе. Кому-то проще было не просыпаться, или сойти с ума. Другие с трудом находили новую цель и вновь устремлялись, до конца не окрепши от поделенного мира на две половины настоящего.

Думаю, не зря ли я вовлекла Вас в эту чудовищную историю падения мира?

Клянусь, мы с сестрой ни в коем разе не были задействованы в столь жестоком плане. До сих пор горестно вспоминать о трагических последствиях, и я понимаю, что рано или поздно беда должна была случиться - исход одного холодного дня, заставшего врасплох всякого живого существа. Он оказался не из той цепочки очередных обыденных событий, явился с иной целью и молчаливо гордился своему отвратительному результату. Сказать честно, начало этого дня в первую очередь принесло мне не горе, а подарило новое неожиданное знакомство, которое вновь всколыхнуло мое скудное бытие. Он заложил ту самую долгую историю – историю о большой любви, надежде и человеке со светящимся сердцем.

Мы встретили друг друга в холодном осеннем лесу, утратившим свою пылкость в ярких красках. Несмотря на пасмурное небо, некоторые лучи солнца с трудом, но все же пробивались среди плотных век тумана. Размеренный воздух касался уже спящих иголок сосны. Птиц не было слышно. И только маленькая девочка в мокрых сапогах скользила по желтой траве. Вязаная шапка с одним помпоном спадала ей на лоб. Заплетенные в косу каштановые волосы вприпрыжку поспевали за ее детским шагом.

Позаимствовав несколько минут из своего вечного запаса времени, мне захотелось понаблюдать за ребенком, направляющегося по давно знакомой тропинке к водоему. Казалось, даже высокая трава, крепко цепляющая ее за одежду, не могла сбить с пути эту крошечную путницу. Абсолютно уверенной походкой она направлялась к своей цели.

Водоем располагался в низменности среди дикого орешника. По большей части его маленькие берега оплетал дикий камыш, но один из берегов был усыпан речной галькой. Еще летом в мутной воде она со своим отцом Вернером ловили маленьких лягушат, ради забавы считали юрких стрекоз и учились свистеть, как многие пернатые этого леса.

Сегодня отец опять задержался на службе. В последние годы это стало нормой в семье Эйлиган. Мать девочки – Лира, всегда укладывала ее спать в одиночестве, а сама отправлялась в кресло напротив окна и с последней надеждой ожидала прихода своего мужа. Каждым ранним утром девчушка прокрадывалась мимо спящей матери, надевала любимые сапожки и

бесстрашно выпрыгивала на улицу. Конечно, прогулки в одиночестве были запрещены ее родителями, но такому упорству характера можно только позавидовать.

На глади водоема царило полное безмолвие. Воздух медленно прогревался под редкими лучами проснувшегося солнца. Пожалуй, ничто не могло нарушить утренний покой леса. Мне захотелось подойти поближе к своему новому другу, чтобы вместе почувствовать неспешность природы. Сделав несколько шагов, подле меня звонко сломалась ветка. Девочка резко повернулась в мою сторону и была готова к встрече с незнакомцем: зелено-карие глаза ярко вспыхнули испугом, по маленькому курносому носу спала капля росы, по рукам пробежал импульс, а ее спина нескладно образовала дугу. В этот миг показалось, что она заметила мое присутствие, но неожиданно по земле пронеслась легкая дрожь. С каждой секундой дрожь учащалась, а звук становился отчетливей. В попытках объяснить самим себе происходящую ситуацию, мы вдвоем забыли про свое одиночество.

Совсем скоро среди редких кустов и стволов деревьев резво промелькнули тени животных: большое стадо оленей с блестящими шкурами и изящными длинными ногами. Глухой грохот копыт раздражал привычную тишину и кругами отдавался на глади водоема. Одновременно с ним мне был слышен женский голос, оставшийся незамеченным девочкой. Ребенок погрузился в динамичный ритм и, не отрываясь, наблюдал за стремительным бегом животных. Олени не замечали присутствия маленького человека, в спешном скаку удалялись от места их встречи.

– Рея! – тревожным голосом кричала мама девочки, торопливо спускаясь с опушки леса, – Я потеряла тебя! Почему ты опять ушла одна? Скоро приедет папа и мы должны быть дома с тобой!

Я заметила, что девочка вовсе не похожа на свою мать. Представьте, ни одной черты сходства. У Леры Эйлиган были пшеничные волосы, которые выбивались из пучка. Светлая кожа отливалась легким румянцем, а бирюзово-зеленые глаза излучали глубину души. Приобняв дочь, Лера спешно взяла ее на руки и направилась в сторону дома. Почувствовав бешеный стук сердца матери, а также частое дыхание, девочка поняла, как сильно в этот раз напугала ее.

– Мама, это были олени. Я видела! Их было так много. А куда они бегут? – спросил ребенок.

– Я не знаю, такого еще никогда не видела. Ты меня очень испугала. Прошу тебя, никогда так не делай – отвечала Лера с редкой отдышкой.

Следуя за ними, мы приблизились к небольшому дому, одиноко стоящему в сосновом лесу. Старую крышу темно-вишневого цвета облепили иголки, непримечательный фасад сливался с унылым настроением осени. Именно сюда родители Вереи сбежали от испорченности цивилизации в попытке создать свой уют. Может быть поэтому, несмотря на столь почтенный возраст дома, он не выглядел таким одичавшим и брошенным среди леса.

Увы, драгоценные минуты были исчерпаны моим невинным любопытством. Оставшееся время вернуло меня в прежнее русло обязательств. И впредь до того рокового вечера я не смогла забыть эту кроху. Даже сейчас, возвращая себя обратно к воспоминаниям о том самом дне, я самостоятельно впадаю в то состояние болезненной пустоты. Боль, уж она-то не старая скряга, всегда знает свой выход. Как она в момент способна опьянить, обжечь изнутри горечью, пытаясь отравить. Я слышала только ее шепот, безумный смех туманил и путал мысли. На миг показалось, как внутри стал пропадать живой блеск – меня сломало.

«Стоп! Я не должна! Нет, не хочу быть бесчувственной как сестра! Не поддамся ей, ни за что!» – кричала я, выдергивая саму себя от разбитой правды, что лежала у моих ног вместо городов.

Резкий удар встряхнул разум, и я вспомнила: холодный осенний лес, маленькая девочка в мокрых сапогах и мое неустойчивое любопытство. Яркий огонек зажегся вновь – нужно отправляться в путь немедленно, ведь я должна найти ее. Потребовалось немало времени, чтобы вновь встретиться с маленькой Вереей и ее родителями. Если бы только мне было известно о предстоящих планах Госпожи. Ах, если бы...

Глава вторая

Один день мародерки из Мекко

Пятнадцать лет спустя

Этой ночью Верее Эйлиган вновь снилась бескрайняя заснеженная поляна. Она снова бежала от невидимки, преследовавшего ее след в след. Рея много раз спотыкалась об ветки, скрытые под влажным снегом. Каждый раз, падая, чувствовала холод, от которого немели руки и увязали ноги. «Беги, давай же!» - кричала себе Верее, пока вовсе не пристыла к земле. Девушка больше не могла двигаться и не могла скрыться. Ужас, не переставая, душил ее, а этот кошмар становился самым настоящим на протяжении нескольких дюжин беспокойных ночей.

К счастью для Реи из цепких лап ночного сна ее вновь выдернул голос дудука. Судорожно вздрогнув всем телом и охотно прощаясь с «умиротворением», она приоткрыла глаза. Мелкие капельки пота, выступившие по всему лицу, являлись точным свидетельством испуга. Глубоко вздохнув, девушка начала приходить в себя и вслушивалась в мелодию своего друга Ваче Баргуни – того самого спасителя от ее кошмаров и нарушителя людского спокойствия. Впрочем, ежедневные партии юноши редко отличались от предыдущих. В них не было вдохновения, той глубины звучания и трепета, тем самым существенно разнилось владение инструмента с его отцом Саро, который был хорошим другом семьи Эйлиган на протяжении девяти лет.

Холодный утренний свет едва сочился из деревянных ставней единственного окна в комнате. Он аккуратно касался лица еще спящей бабушки Леонии, замирал на остывшем полу и постепенно угасал в дальнем углу. Небольшая семья Верее жила на втором этаже дома и занимала самую маленькую комнатку из четырех в доме на краю поселения. Помимо близких стен и окна, которое приходилось закрывать на ночь ставнями в случае бури, в их расположении были: две кровати, собранные из старых деревянных винных бочек, перечиненный на сто раз табурет, самодельный стол на трех разных ножках и потрепанный стул. Так жило, точнее сказать выживало, большинство людей в Мекко.

В полутьме Верее неторопливо поднялась с кровати. Она укрыла своим одеялом младшую сестру и поцеловала ее в щеку. «Еще один день» - повторяла про себя девушка, тихо вздыхая и наблюдая, как посапывает ее Аврора. Нашупав оставленную в прошлом дне на том же месте одежду, Рея принялась переодеваться. Верее почти исполнился двадцать один год. Плавные изгибы ее женской фигуры тщательно скрывались под мешковатой одеждой. Ступни ног оплетали тканевые сапоги, сшитые не без помощи бабушки Леонии. Короткая прядь густых каштановых волос небрежно выскальзывала из собранного пучка и щекотала светлое лицо, местами разукрашенное веснушками. Собираясь в дорогу, девушка мысленно готовила себя к предстоящему дню. Она заранее знала, какой сегодня предстоит ей путь, сколько будет потрачено сил и терпения, но насколько удачным окажутся ее поиски не знал никто. Захватив рюкзак и бумажный сверток с обедом, Рея отправилась на улицу.

Ноги ступали на еще прохладный песок, а свежий воздух наполнял легкие. Солнечный свет постепенно наполнялся яркостью, провозглашая стремительный приход утра. Острые тени окружающих гор падали на безымянные переулки и единственную улицу. Мелодия Ваче легко струилась по направлению ветра, обтекая собой маленькие песочные домики, и эхом протискивалась в каждый свободный уголок. Еще пятнадцать лет назад в день прибытия новоприходцев, Мекко казалось погруженным в пустоту и безжалостно отданным на растерзание времени: двери были гостеприимно отворены, пески обволокли стены домов и поглотили оставленные внутри вещи старых жильцов. Сегодня это место вновь наполнено хоть какой-то жизнью: свисающие гирлянды забытого постиранного белья меж домов, на издыхании горящие фонари возле дверей.

Девушка подошла к большой бочке и принялась умываться, нахлестывая рукой горстки воды прямо себе в лицо. Помедлив, она тяжело нависла над зеркальной поверхностью, охватившись руками за металлическую кайму бочонка. По закрытым векам, щекам и кончику носа скатывались капли воды. Рея открыла глаза и посмотрела на мелькающее отражение своего лица в водной глади: уставшее, изнеможенное – ей оно не понравилось. Снова запустив уже обе руки в содержимое бочки, она резко вылила на себя как можно больше воды. Отойдя на

два шага назад, Верея пригладила мокрыми руками волосы, растерла шею и легко стряхнула мокрый ворот – бодрящее блаженство каждодневного утра.

А теперь глубокий вдох и вперед по улице к площади. Направлению девушки следовали другие люди, среди которых были мужчины с впалыми щеками от голода и зачерствелой кожей рук, и даже совсем молодые юноши с еще незажившими ожогами от солнца и рабочими мозолями. Их неторопливые, скрюченные фигуры тянулись со всех домов ведущей улицы, сливаясь в единую подвижную массу. Кто-то обменивался друг с другом в качестве приветствия молчаливыми рукопожатиями, обходился простым кивком головы, либо разноголосым кличем.

Изо дня в день вопреки своей воле мужи поселения выполняли опасную работу, которая тяжким грузом была возложена правителем этого края - непризнанные мародеры, пересекающие невероятные расстояния в поисках возможных обителей ценностей: разгромленных городов, брошенных кораблей, забытых месторождений. Все найденное передавали в столицу Араквиль в обмен на возможность скудного дальнейшего существования в поселении Мекко. Они пробовали сбежать, но отправляясь в путь, бесследно терялись среди бескрайних песков. Ловушка судьбы или временное заточение – предстояло узнать ответ.

Верея была единственной девушкой, искусно смешавшаяся в толпе среди мужчин. Она упорно выполняла возложенные на всю группу обязанности наравне с каждым. Несмотря на проявленное уважение к ней, всегда предпочитала идти одной в конце неспешной колонны трудящихся. Впереди идущие люди уже пересекали маленькую площадь, разделяясь на два равных потока и вновь сливаясь в единое русло. Они неспешно обходили музицирующего темноволосого паренька, стоящего на липкой бочке лицом напротив основного движения. Верея приблизилась к Ваче, когда тот уже доиграл последние ноты.

- Ирхэя номэ, Рэй!- кричал юноша, морщась от света и улыбаясь одним уголком рта. Курчавые черные волосы придавали его голове форму облака, а худые руки казались длиннее, чем у обычного человека. Коричневые потертые брюки, доставшиеся еще от отца, смешно болтались на юноше. Чтобы они вовсе не спали с бедер, Ваче продел вдоль петелек шнурок и завязывал его на поясе. Нелепо скомканную гармошку ткани он прикрывал ремнем от поясной сумки.

- Доброе утро, Ваче! – ответила Верея, неторопливо подходя к бочке, на которой стоял юноша.

Тот поспешно убирал дудук в кожаный футляр и следом заталкивал в сумку. Этот инструмент принадлежал семье Баргуни уже добрых четыре поколения и передавался от отца к сыну после смерти первого. По любимым рассказам Ваче его прадед получил дудук из абрикосового дерева в одной горной деревушке у местного старика. Заблудившись среди одинокого ветра и голых камней, он услышал мелодию, подарившую ему спасение. Так в семье Баргуни этот инструмент стал символом жизни и положил начало их традиции.

- Если б я не знала, что это ты играешь, то скорее всего подумала бы на вопли раненного верблюда. Скажи, почему практически всегда у тебя получается выть по утрам, а? – с задиристой улыбкой девушка обратилась к Ваче, ударяя ногой по деревянному бочонку, на котором стоял ее друг.

Содрогаясь от каждого пинка ноги, ошеломленный от столь дружелюбного комплимента парень насупился. Хотя Ваче давно научился не обращать внимания на подколки Реи в свой адрес. Подтянув спадающие штаны, он спрыгнул с бочки и почти сравнялся ростом с Вереей. Из-за густых волос он казался немного выше девушки.

- А ты думаешь, что у тебя получится играть лучше? М-м? – одной ухмылкой и незатейливым вопросом ответил ей Ваче, - Знаешь, я могу тебе дать попробовать поиграть? А хотя нет, еще специально сломаешь. Уж я тебя знаю, – съехидничал парень, обратно убирая чехол с драгоценным инструментом в сумку, - Что, опять не спалось? Дай угадаю, ночной кошмар?

- А по мне это так хорошо заметно? – стерев улыбку со своего лица, Верея попыталась закончить этот разговор. Она не любила говорить о своих слабостях с кем-то, кроме самой себя.

- Вообще-то да. Хочешь казаться более чем серьезной, но у тебя плохо получается. Глаза выдают, - Ваче немного понизил тембр голоса и устрашающе поднес к правому глазу указательный палец, - Я считаю, что все кошмары управляемы. Иногда ты сам понимаешь, что

происходящее недействительно. Если сюжет снов не нравится – так действуй сам! Хотя, они мне не так часто снятся. – замедлив шаг, парень остановился. Скорее всего, он попытался вспомнить, когда в последний раз бывал в игре своего воображения.

- Советчик, шурши штанами почаще. Еще только утро, а ты еле плетешься.

Верее не знала, соврал ей Ваче, или сказал правду на счет снов. Во-первых, она была уверена точно: во сне есть боль и вполне реальная. Во-вторых, не она сама писала театральные акты, выдумывала изощренные сюжеты историй и нанимала актеров. Эта девушка вопреки воле становилась главной героиней и заложницей сумасшедшей фантазии, где продолжала бороться с собой.

Из-за короткого диалога двое друзей уже успели отстать от удаляющейся толпы, петляющей по крутому подъему между скал. Минувя стремящуюся горную тропу ввысь, Верее поднялась на устойчивый каменный выступ. В отличие от друга, девушка давно привыкла к необузданной высоте. Замирая, она вглядывалась вдаль и представляла себя свободной птицей одиноко странствующей по бескрайнему миру. А интересно, какой он сейчас этот мир?

Огненное солнце торопливо поднималось над линией горизонта. Ветер сдувал оранжевые шляпки песка с горных камней и игриво смешивал их с воздухом. Рее окинула взглядом спрятанное в тени поселение Мекко и сделала глубокий вдох. Накинув на свою голову колпак и закрыв половину лица прямоугольным платком, она приготовилась к предстоящему пути.

Сегодня, как и прежде, дорога вновь пролегает через привычный Верьенский хребет, простирающийся дугой из цепочки невысоких гор к городу Сэв-Йера. К полудню путники должны успеть добраться до назначенного пункта и начать поиски, одновременно скрываясь от разъяренного солнца в остатках города. На поиски выделялось крайне мало времени, поскольку обратно им необходимо вернуться в Мекко еще до наступления темноты. Поэтому каждое положенное расстояние до пункта достигалось лишь бегом.

Ежедневную хроническую усталость и несмолкаемую жажду умирал страх собственной смерти. Бывало, что кто-то из искателей истрачивал свою жизненную энергию еще в пути: ноги предательски отказывались сделать шаг, частое дыхание все больше мутило взгляд, а тело покрывалось капельками пота. В подобные случаи никто из бегунов не смел останавливаться в помощь товарищу – любой держался только своего пути. Но это правило не касалось двух друзей. Между ними был составлен не отмененный уговор – вернуться за «слабаком» на обратной дороге. Лишь изредка в спешном бегу, они переглядывались между собой, только чтобы оценить состояние и возможность продолжения пути. Возможно, само существование дружеской сделки и подстрекало обоих, ведь на протяжении многих забегов она так и не была реализована.

Окружающая местность мелькала по всей широте взора бегущих путников, отыгрываясь красками от песочно-белых до оранжево-кирпичных оттенков. Вот горный хребет узким серпантинном тянется вниз и резко обрывается у ног, давая начало новому подъему. Местами ночная буря снова несносно раскидала песок, затянув собой привычную для меккийцев тропу. По сторонам тянулись песочные барханы, рассекающие острым гребнем позвоночника спокойное течение пустыни. С последующей минутой воздух становился невыносимо раскаленным и безжалостно терзал уставшие тела.

Каждый привал в прохладной тени гор был целебным глотком, возвращающим к жизни. Добираясь до места остановки, люди разом падали без сил, руки зарывались в рыхлый и еще прохладный песок. Легкие жадно наполнялись недостающим кислородом, а мышцы ног сводило от напряжения, словно разрядом тока. На мгновение уставшие путники теряли сознание: закрыв глаза, они без лишних мыслей ускользали вглубь себя.

Верее рухнула на правое колено, погрузила обе руки в почву и резко упала грудью вперед. Пульс в висках продолжал отбивать чечеточный ритм, но уже немного ослаблял давление. Глубокий вдох становился размеренным, замедляя собой биение сердца. Волоча ноги и выдыхая горячий воздух, Ваче оперся на прохладную скалу. Он развернулся к своим товарищам лицом, скользнул влажной спиной вниз по камню. Поспешно сделав несколько глотков из фляжки, юноша похлопал Верее по спине и насильно вложил ей в руку емкость с водой.

- Ты знаешь, я не хочу казаться размазней, в особенности пессимистом, – сказал Ваче, мучительно перебирая мысли в голове и задыхаясь, - но с каждым разом мне все чаще хочется сдаться. Мы для них всего лишь дешевый скот, рыскающий в этой проклятой солнцем земле.

Рея лежала неподвижно. Ее чуть приоткрытые глаза смотрели на других мужчин, валяющихся на территории завеса тени. Чьи-то сухие губы без устали шептали молитвы с просьбами о помощи. Для нее же моления верующих казались еще одним постыдным унижением. После потери семьи Верея подавно перестала верить в истину еще существующих религий. Проходящие минуты отдыха перестали казаться мимолетными. Девушка приподнялась на свободную руку, выпила немного воды из фляжки и пододвинулась к другу. Свист в ушах постепенно угасал, уступая ход трезвому осмыслению действительности.

- Нам пока еще есть, за что цепляться в этой жизни. Если есть силы – борись. Борись за свою семью, за себя и... - не закончив фразу, Рея перевела взгляд на друга и продолжила, - ... за отца. Ты же знаешь, что он не готов был к смерти. Не случись этого, он бы продолжал защищать всех вас.

После слов Вереи к горлу юноши подступил тошнотворный ком смеси ярости, обиды, уныния и горечи. Ему было четырнадцать лет, когда его отец Саро ушел с другими искателями в прежнем направлении. Ваче в тот день остался с матерью и помогал ей по хозяйству. Вечером товарищи Саро вернулись со скорбной вестью, молча протянув потрепанный сверток мальчику. Баргуни не сразу поняли что произошло. Он помнит, как руки матери потянулись к черной ткани и нащупали кожаный чехольчик с инструментом. Безошибочно до ее сердца дотянулась скорбь: губы скривились от боли, по коленям прошла колкая дрожь. Слезы матери падали на его щеки и скатывались на чехол в траурном свертке. Саро Баргуни завалило бетонными обломками здания. Его покореженное тело нашло свое последнее пристанище в горячих песках, а инструмент – нового владельца по крови. И вовсе не инструмент нужен был мальчику, а его отец.

- Рей, ты веришь, что когда-нибудь это все закончится?

- Закончится. Но умирать, я не настроена.

Вуаль минутной скорби между двумя друзьями рассек резкий клич - нужно вновь начинать стремительный путь. Заведомо пометку на середине дороги оставила каменная пустыня Лапьябо - вечная спутница Верьенского хребта, надменно простирающаяся вдоль цепочки его гор. Вереи невероятно нравилось та самая часть дороги, спускающаяся в обход непролазных гор через бесконечные земли огненно-рыжей обольстительницы. Рея готова поклясться, что каждый раз ступая на границу мертвых песков, она слышит ее голос - голос пустыни. Своей исключительной красотой пустыня пробуждала внутри человека огромный интерес, коварно заманивала вглубь мертвых песков и медленно убивала. Жертвы кругами скитались по треснувшей почве чешуек ее лица и разбросанным каменным зубам, палящее солнце мутило разум и сжигало людей изнутри.

После прохождения проклятых земель Лапьябо странникам оставалось меньше двух часов до конечного пункта. Шеренга гор резко обрывалась, открывая впечатляющую панораму с высоты макушек на полупустыню. Наконец-то спустившись с привычного нагорья, ноги путников ступали на другие земли, внушительно пожеванные давним землетрясением. Из-за этого здешний ландшафт казался иным по сравнению с Мекко: черненная земля покрыта кучками сухой травы, пустые колосья которой клонились по велению ветра, одинокие столбы деревьев старым пугалом возвышались среди этого бедствия природы. Глубокие изрытые шрамы так и не успели зажить.

Странники Мекко быстрым шагом пересекали лысеющие кустики высохшей осоки. Чтобы цепкая трава меньше приставала к одежде и не ранила руки, люди друг за дружкой проходили по утопанной узкой тропинке среди горбов, холмов и котлованов. Прошло больше десяти лет одиночества, и все-таки в этом краю остался след человеческой жизни - покореженная дорога, ведущая вдаль к покоящемуся городу Сев-Йера. Автомобильная дорога казалась раздробленной на разные плиты, хаотично снующие острыми краями и разбросанные по направлению к городу. Местами землетрясение затащило с собой машины, накрыв сверху обломками без шансов на любое движение.

Сев-Йера смиренно лежал в центре автомобильных развязок, ныряющих ломаной линией в груду земли и снова вверх. Если издали город смотрелся одной хаотично

разбросанной безликой массой, то с приближением из строительных обломков можно выделить прежде жилые дома и совсем новые магистрали дорог, когда-то ведущие в другие не менее интересные места. Бесшумно прокрадываясь по въездному шоссе, над головами меккийцев и всякого путника торжественно возвышалась золотая арка - единственное, что иронично сохранила сама судьба. Резные элементы и узоры выюнком переплетались среди букв в названии, удивительно, что и цвет со временем вовсе не изменился, будто она действительно вылита золота.

В прошлом мире Сев-Йера славился донельзя неприличными запасами нефти, подытожившими его стремительное развитие. Город будущего сулил опору и большие перспективы жителям этих земель. Теперь же его изуродованное тело годами покоится на черствой земле и лишь иногда становится ценным объектом для здешних банд мародеров. Казалось бы, в жаркие часы полуденного солнца разумные люди не станут сюда соваться. И все же меккийцы с кошачьей опаской пробирались сквозь хрустящий мусор под ногами, тонкими пальцами поддевали тяжелые плиты и искали... искали.

Каждый раз по возвращению в это место перед глазами людей Мекко бессознательно строилась картина падения Сев-Йера. Фундаменты домов выстроены в единой форме небольших кварталов по подобию ведущих мегаполисов мира. Точно как и в других городах, большинство этих домов рухнуло в первые минуты подземных толчков: беспорядочно падая и цепляясь макушками, они сталкивались в падении, из-за стеклянных окон вылетала мебель и кричащие от ужаса люди. В один миг небо над городом заволочло густой пылью, а улицы навсегда погрязли мусором, смешанным с теплой человеческой плотью. Оставшиеся стойкие стены некоторых высоток, обрубленными клиньями одиноко возвышаются среди унылой степи.

Главный проспект загроможден останками высоток, тем самым значительно усложнял работу. Поиски затрудняли и физические способности после преодоления долгого пути, а так же, как и у любого человека, эмоциональная составляющая, сохраняющая шанс встретить человеческие останки. Скорбь, смятение, тревога – те чувства, которые руководили разумом искателей по отношению к погибшим этого города-призрака. С одной стороны они сами подверглись немалым страданиям, но выжили. С другой стороны – как могла сложиться их жизнь, не произойди всего этого? В конце концов, кем лучше быть – живым рабом или вольным мертвецом?

Не смотря на невозмутимое лицо и выдержанное спокойствие, Верея с внутренней горечью сдерживала истинные эмоции и тяжело переживала. Она никогда не продолжит поиски рядом с телами – таково было ее правило и уважение к покойным. Останки тел закапывали, чтобы земля смогла позаботиться о них. Ваче всегда читал молитвы за их души, так легко ускользающие эхом в небосвод.

Сегодня, как и прежде, среди полного хаоса и мусора им требуется найти запасы всяких полезных вещей на любой случай в приоритете для столицы и уже после для своих семей. Первые кварталы Сев-Йера уже досыта объедены и обшарены вдоль и поперек, поэтому люди рассыпались по новым местам среди обломков в кругу одного района. Меккийцы привыкли работать за себя, опять же только не Верея с Ваче. Их отцы давно объединили семьи нерушимой дружбой, заведомо зная жизненный исход одичалых. Иногда Рея ловила весьма удачную птицу, а Ваче доставалось лишь ее обкусанное перо. Бывало и наоборот. В любом случае найденное делилось поровну.

Друзья отправились сквозь скомканную простынь дороги поодаль от проспекта. Впереди них раскорячился поперек дороги длинный тягач, словно с набитым тяжелым пузом. Его деформированная кабина вплотную прижата к фасаду бесконечно строящегося здания, смяв под собой ограждение, фонарные столбы и строительные леса. Задние ставни кузова были отворены, само собой пробуждая интерес к его содержимому – весьма легкой добыче. Ваче первым заглянул в железный фургон. Изнутри тошнотворный нагретый воздух попытался ошпарить его лицо, но юноша успел отпрянуть. Ничего. Пусто. Минуя железный фургон, перед ними снова возникла новая преграда – высотный дом, точнее все, что осталось от него: блоки этажей, съехавшие на землю пластами, словно коржи у большого торта-суфле, тяжело раскинулись позвонками скелета на два квартала.

Верея присела в тени сломленного великана и достала из своего рюкзака бумажный сверток былой местной газетенки. Развернув его на своих коленях, девушка принялась делить

съестное поровну: печеную лепешку из кукурузной муки, кусочки вяленного верблюжьего мяса и шесть худосочных фиников. Она организовала хорошую трапезу для двоих на обломках бесхозной двери. Половинку лепешки Рея протянула своему другу. Но юноша стоял спиной и уже успел поддаться азарту: сосредоточенно изучая настоящее место, он мысленно камнем за камнем расчищал путь и мыслил найти что-то стоящее среди беспорядочной горы мусора.

- Ваче, пошли есть, – попыталась обратить внимание Верея и вытащить друга из забвения.

Парень не спеша повернулся корпусом своего худого мальчишеского тела к девушке, но его внимание было всецело устремлено вглубь. И, по всей видимости, он что-то нашел.

- Иди, поешь, и начнем работать! – нетерпеливо вскрикнула Рея, протягивая ломоть черствой лепешки своему другу.

Ваче присел рядом чуть выше на обломок плиты, прихватив с собой тонкий кусочек мяса и положив его на лепешку. Их голодные животы восторженно заурчали разом.

- Как ты думаешь, нам удастся чем-нибудь сегодня поживиться? – спросила Рея товарища.

- Хочется в это верить, – ответил Ваче, торопливо разжевывая горбушку вприкуску с мясом, – нам нужно постараться найти что угодно. Скоро приедут из столицы, они будут чертовски недовольны. А ты знаешь, что бывает в таких случаях. Не хочу спугнуть удачу, но видишь во-о-он тот блок? – протянул юноша, показывая облизанным пальцем в сторону нагромождений.

- Ну, и что же ты там нашел?

- Приглядишься лучше. Ну? Да неужели не видишь? Там за упавшей плитой – это комната! По всей видимости, перед нами жилой дом. Здесь просто куча всякого хлама! Мы обязательно на что-то наткнемся! – закончил Ваче, быстро запихивая последний кусочек кукурузной лепешки и вытирая руки об брюки.

- Мне нужно найти продукты. Любые. Даже крупа с насекомыми подойдет. Уже хоть что-нибудь. У нас закончились все запасы, и бабушка взяла в долг, – изрядно вздыхая, Верея подытожила давно знакомую проблему любой семьи. Она посмотрела на свой недоеденный кусок хлеба. Горечь зла прожгло ее насквозь, в один миг уняв дьявольский голод – все больше не хочется есть.

В это время Ваче уплетал второй финик и машинально поддакивал ей головой.

- Тьфу, тьфу! – подпрыгнул юноша со своего места и плюнул разжеванной коричневой массой финика в сторону.

- Что опять? И как же тебе везет с червяками в финиках! Прямо так редкая удача! – подметила девушка, звонко смеясь.

- Откуда они только берутся в эту жару эти червяки! Тьфу! Невозможно просто! – морщась и кривясь от недавней кишащей мерзости у себя во рту юноша, – Надеюсь это хороший знак, хоть в чем-то может и повезет нам с тобой.

Верея не скрывала свой задорный яркий смех, так не свойственный молодым девушкам ее возраста. Продолжая хохотать и ловить из глаз слезы, она вновь завернула оставшиеся финики для себя и друга в бумагу, таким образом, решив воздержаться от этой глупой сладкой затеи и убрать их куда подальше. Стянув с себя влажный кардиган, она принялась туго затягивать волосы в безобразный пучок, чтобы ни один волосок не вызывал раздражающей щекотки. Ваче поправил тканевую тубетейку и закатал штанины. Они готовы.

Тот квартирный блок продолжал неуклюже лежать, придавливая собой расплющенные автомобили. Совсем неясно, как же комната осталась целой и не превратилась от удара в подобную гору мусора. Друзья подошли ближе к той самой плите, скрывающей потаенную комнату. Теперь азарт настиг и Рею: ее зрачки расширились от воображаемого удовольствия, которое могло принести найденное здесь, сердце забило аплодисментами в груди. Не успела она сделать шаг вперед, как ее за руку резко одернул Ваче.

- Ты что голову потеряла? Туда опасно входить вот так! Вдруг рухнет? Сейчас, я придумаю что-нибудь. Дай мне минуту.

- Ваче, мы уже давно живем не своей головой. Все вокруг сплошной абсурд. Стой здесь. Я буду осторожна. Залезу, да хоть увижу, как жили нормальные люди. Глядишь, и найду что-то для нас.